

— Змеёй её называли лишь в угоду тем временам, — сказала Цзян Чжунсюэ, тщательно выговаривая каждое слово. — Императрица Сиши была редкой одноножкой. Её родители были родными братом и сестрой, так что уродство ребёнка не удивляло. Странно другое: все предыдущие их дети умерли, выжила лишь Сиши. А ещё она была необычайно красива и хрупка — это тоже стало причиной, по которой её оставили. В юности её прятали в глубинах женских покоев, и никто, кроме родни, о ней не знал. Позже её отдали во дворец, в жёны наследнику. Тогда Сяо Янь ещё нуждался в поддержке её семьи в борьбе за трон, потому закрыл глаза на уродство невесты. Но когда он взошёл на престол, его всё больше раздражала эта «змеиная» одноногая жена. Он нашёл предлог и отослал её в земли древнего Шу — под благовидным соусом «для поправки здоровья», а на деле — в ссылку.

Цинь Чаншэн что-то промычала в ответ. В голове у неё путались нити, и она не могла поймать мелькнувшую было мысль.

Цзян Чжунсюэ продолжала:

— Император Сяо Янь не был тем кротким и добродетельным правителем, каким его описывают баллады. Он был злопамятен. Отослав Сиши, он разозлился ещё пуще: как смели Сиши подsunуть ему калеку в главные жёны? Тогда он велел собрать со всей страны карликов и калек, рождённых без рук или ног, составил из них целую свиту и под охраной этой «почётной стражи» отослал императрицу в древний Шу. Сослал на самую высокую гору, чтобы больше никогда её не видеть.

— Какой же он подлец, — тихо выдохнула Цинь Чаншэн. — Да и что такого сделала императрица Сиши?

Цзян Чжунсюэ посмотрела на неё. В её глазах что-то дрогнуло, но голос остался ровным:

— В этом мире нет правды и кривды. Кто силён, тот и прав. Даже если однажды несправедливость обрушится на тебя, это не будет вопросом правоты или вины.

Глядя на бледнеющий впереди обрыв, Цзян Чжунсюэ говорила всё холоднее:

— Заботясь о своей репутации, Сяо Янь после ссылки жены повелел придворным летописцам сочинить эту натянутую историю, дабы воспеть свои добродетели. Но раз в той истории говорится, будто Сиши «явилась в облаках», значит, пребывала она в вышине. А самая высокая точка в землях древнего Шу, куда её сослали, — это гора Цзи.

Цинь Чаншэн мысленно связала услышанное.

Соколиный Глаз говорил, что на горе Цзи бытовала странная песня «Гугугуай» — про браки между дедами и внучками, про поедание плоти родни. А теперь — история Цзян Чжунсюэ про сосланную на Цзи императрицу и её свиту из уродов.

Если императрицу и вправду сослали на Цзи, то как она, пусть и опальная, удостоилась такой скверной славы — людоедки? Откуда на Цзи взялись эти жуткие сказки про каннибалов?

Неужели на горе и впрямь водились чудовища, пожирающие людей?

Оставив эти мысли, Цинь Чаншэн вернулась к фактам. Месяц назад Юй Минмин, Юй Инь и ещё несколько однокурсниц поднялись на гору Цзи и пропали в этих местах. Со слов семьи Юй, удалось выяснить: все девушки как один твердили, будто Юй Минмин после ссоры с Юй Инь сама убежала из лагеря, ни с кем не попрощавшись.

На следующее утро, перед спуском, они её немного подождали, но, не дождавшись и не сумев дозвониться, ушли.

А потом её нашли мёртвой в канаве у самой стены их же университета.

После смерти Юй Минмин характер Юй Инь резко переменился. Она стала скрытной, пугливой. Мать инстинктивно почуяла неладное и пригласила Цинь Чаншэн, чтобы та докопалась до причины этих перемен.

Она думала, дочь просто испортили злые духи.

Цинь Чаншэн помолчала, раздумывая, потом спросила:

— Вы слышали когда-нибудь о злых ритуалах... о том, как перемещать души?

Лунный свет, холодный и жидкий, струился по фарфоровой коже Цзян Чжунсюэ, заливая её глаза тенями.

— Нет, — покачала та головой.

Помедлив, добавила:

— Я знаю, о чём ты думаешь. Но нет. Не слышала и не встречала. Я повидала немало странных людей, слышала немало диковинных историй. Но с перемещением душ не сталкивалась никогда.

Цинь Чаншэн разочарованно вздохнула. Когда она впервые услышала о метаморфозе Юй Инь, первой мыслью тоже было «вселение». Но её Призрачный Глаз не уловил вокруг девушки и намёка на постороннюю духовную энергию.

Хотя в день их встречи тело Юй Инь показалось ей непомерно тяжёлым. Но это ещё ни о чём не говорило. Может, девушка просто плотного сложения.

Цинь Чаншэн зевнула. Было три часа ночи, самая глухая пора.

Время, когда демоны и духи выходят на охоту.

Цзян Чжунсюэ посмотрела на неё:

— Отдохнём здесь.

Цинь Чаншэн опешила, а внутри у неё всё затрепетало от облегчения. Она была зелёным новичком, и следовать решениям Цзян Чжунсюэ было для неё лучшей стратегией. Весь этот путь она не смела жаловаться на усталость или боль. Будь Цзян Чжунсюэ сколь угодно суровой — даже если веки слипались, по команде она должна была ползти на этот обрыв.

Выйти из игры мог кто угодно, только не она. Проклятие висело на ней. Стоит ей отступить — и шаги смерти зазвучат у неё за спиной.

Она была умна, потому и решила безоговорочно подчиниться Цзян Чжунсюэ. Но порой её слишком легко было удовлетворить. Услышав, что можно отдохнуть, она мгновенно выхватила из рюкзака свёрнутый чёрный брезент, расстелила на земле, натянула и закрепила углы, улёгшись и с улыбкой поманив Цзян Чжунсюэ.

Брезент был достаточно широким для двоих. Цзян Чжунсюэ глянула на неё, бровь её дёрнулась. Не удостоив приглашения ответом, она отошла к корням большого дерева, села, обхватив чёрный зонт, и закрыла глаза.

Цинь Чаншэн не обиделась. Одна мысль о сне наполняла её блаженством. Сунув рюкзак под голову, она провалилась в забытие.

Она смертельно устала. Целый день пути, потом бессонная ночь. Усталость сковала её, но где-то в глубине души она уже доверяла умениям Цзян Чжунсюэ, потому и отдалась сну спокойно.

Подул холодный ветер.

Цинь Чаншэн невольно съёжилась.

Перед ней стояли две девушки. Лиц не разглядеть. Они перешёптывались, взявшись за руки, и смеялись.

Вокруг — холодный двор, вымощенный синеватым камнем. Камни покрыты влажным мхом, поблёскивающим на солнце.

Они стояли у старого колодца, держась за руки, и, смеясь, заглядывали внутрь. Одна — в простой серой одежде, словно подросток. Другая — в модном платье небесно-голубого цвета, полы которого развевались, словно весенний свет. На тёмно-синих туфельках поблёскивала круглая жемчужина.

Юй Инь.

Или её призрак.

Цинь Чаншэн стояла перед ними. Перед ней зиял старый колодец, огороженный кольцом из тёсаного камня.

Девочке в сером было лет тринадцать-четырнадцать, Цинь Чаншэн её не знала. Но призрак Юй Инь она узнала сразу. Такая белая, такая красивая — забыть невозможно.

Тем более, она и была причиной всей этой затеи.

Цинь Чаншэн пристально смотрела на Юй Инь. Выражение её лица было безмятежным, почти детским. Она смотрела в колодец, словно не замечая Цинь Чаншэн.

Цинь Чаншэн видела, как та держит за руку другую девочку, и её взгляд естественно перешёл на лицо той.

Лица не было. Только белесое марево.

Так и должно быть.

Цинь Чаншэн не шелохнулась. В иллюзиях, что плетут призраки, часто скрываются их самые большие обиды.

Что там, в колодце?

Цинь Чаншэн наклонилась, заглянула внутрь.

В тёмной воде, слабо отражая свет, плавало тело.

Мокрые длинные волосы. Чёрные пряди, прилипшие к коже белее бумаги. В этой неопишимо жуткой картине женщина медленно подняла голову.

Цинь Чаншэн вглядывалась, не отрываясь.

<http://bllate.org/book/16269/1464149>